

СЛОВО

Джон
Олссон

Все, что вы

КАК

Единственный в мире
профессиональный
судебный лингвист
с 15-летним опытом

скажете,

будет

использовано

против

вас

23

реальные
криминальные
истории
в жанре
«лингводетектив»

Скажи детям, чтобы не волновались.
разбираюсь со своей жизнью. будь
на связи, нужно получить кое-какие
вещи.

Лингванонфикшн

Джон Олссон

**Слово как улика. Всё,
что вы скажете, будет
использовано против вас**

«Издательство АСТ»

2009

УДК 81'33+343
ББК 81.1+67.5

Олссон Д.

Слово как улика. Всё, что вы скажете, будет использовано
против вас / Д. Олссон — «Издательство АСТ»,
2009 — (Лингванонфикшн)

ISBN 978-5-17-103416-0

«Слово как улика» – это 23 реальных случая из практики Джона Олссона, самого известного в мире судебного лингвиста, среди которых убийство, сексуальное домогательство, смерть при загадочных обстоятельствах, шантаж, поджог и даже участие в геноциде. Олссон описывает, какие текстовые улики он смог собрать в каждом из этих случаев и что именно позволило ему установить виновность подозреваемого. Автор, чей стиль отличают доступность и ясность изложения, рассказывает, как достижения лингвистики могут с успехом использоваться в такой неожиданной для нее области практического применения, как обеспечение правопорядка. Книга Олссона – увлекательное чтение для всех, кто интересуется лингвистикой и популярным жанром true crime – подлинные истории преступлений.

УДК 81'33+343
ББК 81.1+67.5

ISBN 978-5-17-103416-0

© Олссон Д., 2009
© Издательство АСТ, 2009

Содержание

Введение	6
Часть 1	10
Глава 1	10
Глава 2	14
Глава 3	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Джон Олссон
Слово как улика. Всё, что вы скажете,
будет использовано против вас

© John Olsson, 2009

© Зуев А. Б., перевод, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Введение

Что такое судебная лингвистика? Раз вы читаете эти строки, то у вас уже, вероятно, есть ответ на этот вопрос. С другой стороны, вы, возможно, ничего и не слышали о таком предмете и желаете узнать о нем побольше.

Меня зовут Джон Олссон, и последние 15 лет я был (и остаюсь) единственным в мире профессиональным судебным лингвистом. Это книга о моей работе, и отчасти она призвана проиллюстрировать то, как судебная лингвистика помогает раскрывать преступления. Однако сначала я хочу обратиться к истории вопроса. Позвольте вкратце обрисовать возникновение этой науки.

В 1968 году шведский лингвист, работавший в Лондонском университете, услышал об одном деле, имевшем место несколькими годами раньше. Оно касалось убийства двух женщин и ребенка по печально известному лондонскому адресу – Кенсингтон, Риллингтон-Плейс, 10. Риллингтон-Плейс из-за этого так «прославился», что властям по просьбе его обитателей пришлось изменить название на Растон-Клоуз. Тем не менее дурные ассоциации сохранились, и в конце концов местный совет снес всю улицу, а в 1970-х годах она была застроена новыми домами.

Жильцом первого этажа дома номер 10 на Риллингтон-Плейс был некто Джон Кристи – тихий, пожалуй даже застенчивый человек, по-видимому счастливо женатый. Этажом выше жили Тимоти Эванс со своей женой Берил и их маленькой дочерью. В 1949 году Эванс пропал с Риллингтон-Плейс, и стали возникать вопросы касательно местоположения его жены и дочери. В ноябре того же года Эванс сдался в руки полиции в Южном Уэльсе, где он жил у своего дяди на Мертир Тидвил. Здесь в истории начинает играть свою роль судебная лингвистика, так как Эванс, сознаваясь в преступлении, предположительно сделал в полиции несколько заявлений. Эванс был признан виновным на основании этих заявлений и на основании показаний Джона Кристи. Он был повешен в 1950 году. Позже исчезла жена Кристи, а его странное поведение начало вызывать вопросы у соседей. Когда Кристи съехал со своей квартиры, новый жилец, переставляя шкаф, сделал ужасное открытие: он обнаружил полуодетое тело женщины. Прибывшая на место полиция нашла следы еще нескольких убийств. В конце концов Кристи выследили, предъявили ему обвинение, признали виновным и повесили. Незадолго до своей смерти он признался в убийстве жены Эванса и, «возможно», их дочери. Несмотря на настоятельные просьбы расследовать эти заявления до смертной казни, министр внутренних дел отказался отсрочить повешение, и Кристи был казнен в июле 1953 года.

В 1949 году Эванс пропал с Риллингтон-Плейс, и стали возникать вопросы касательно местоположения его жены и дочери. В ноябре того же года Эванс сдался в руки полиции в Южном Уэльсе, где он жил у своего дяди на Мертир Тидвил.

Преступления, в которых он сознался и за которые был повешен Эванс, еще более десяти лет приписывались Эвансу, пока в 1960-х этим делом не заинтересовался журналист Людовик Кеннеди, а сделанные в полиции признания Эванса не привлекли внимание шведского профессора из Лондонского университета Яна Свартвика. Тот исследовал эти заявления и заключил, что стиль их языка неоднороден и что по большей части они написаны в так называемом полицейском регистре. Разбор Свартвика и напористая кампания Кеннеди вынудили министра внутренних дел снять с Эванса обвинения и оправдать его посмертно. Вероятно, это была первая апелляция в деле об убийстве в истории, в которой видную роль сыграла судебная лингвистика. Термин «судебная лингвистика» ввел Свартвик в своих отчетах, поэтому его называют отцом этой дисциплины.

В 1990-х годах внимание лингвистов из университета Бирмингема привлекло дело Дерека Бентли. Я тогда был аспирантом и занимался лингвистическими исследованиями. Во время ограбления в Южном Лондоне сообщник Бентли, Крис Крэйг, открыл огонь по констеблю Сидни Майлсу. В заявлениях, якобы надиктованных Бентли офицерам полиции, было обнаружено несколько странностей. Под подозрение попал ряд других принятых ранее признаний, и несколько из них были аннулированы, главным образом на основании результатов теста ESDA – электростатического исследования, отчасти схожего с фотокопированием. Если в процессе письма по листу бумаги под него были подложены другие листы, то ESDA позволяет прочесть по нижним листам то, что было написано на верхнем.

В 1994 году я основал Институт судебной лингвистики в Соединенном королевстве, и с тех пор он стал одной из ведущих лингвистических лабораторий мира. Я и мои коллеги исследуем тексты любых типов на предмет авторства, аутентичности, толкования значения, спорного языка и для иных судебных нужд. Одно из первых дел требовало анализа заявления предполагаемого террориста, сделанного в полицейском участке в Паддингтон Грин в середине 1980-х. С тех пор я руководил примерно тремя сотнями лингвистических расследований. В их рамках мы занимались лингвистической проверкой подлинности предсмертных записок, оценкой угроз в ходе вымогательства, проверкой аудиозаписей полицейских допросов на предмет оказания давления в ходе допроса (что нынче случается довольно редко) и установлением авторства сотен бумажных и электронных писем и SMS-сообщений в ходе расследований убийств, вымогательств, давления на свидетелей, сексуального насилия и детской порнографии. Я работал на полицию, адвокатов, международные компании и организации и даже на частных клиентов, получивших письма с угрозами, автор которых мог жить на соседней улице или даже в соседнем доме.

В другом давнем деле президент клуба собаководов на Среднем западе США попросил выяснить, не является ли автором гневных писем, приходящих на адрес клуба, кто-то из его членов. Наиболее вероятным автором оказалась кроткая пожилая леди, преданно ведущая административные дела клуба в течение многих лет, но расстроенная поражением своих питомцев на ежегодном клубном конкурсе. Это может показаться неожиданным, но письмо с угрозами порой можно получить и от члена своей семьи: так, в одном случае недовольную женщину привели в ярость успехи ее младшего брата в отельном бизнесе, и она изливала яд в потоке писем в адрес местной торговой палаты, в которых не только очерняла его старания, но и оскорбляла его жену, обвиняла его в нацизме и утверждала, что в отеле часто устраивали уик-энды, посвященные превосходству белой расы. Еще в одном случае девочка-подросток завидовала приближающейся свадьбе своей старшей сестры и пыталась рассорить ее с ее женихом. С другой стороны, гневные письма не всегда приходят от родственников: недавно мне довелось расследовать дело, в котором мужчина среднего возраста, получив отпор своим сексуальным домогательствам к юноше-подростку, написал его родителям письмо, в котором обвинил юношу в растлении малолетних. Отец юноши, возможно, в результате этого обвинения и под впечатлением от поругания чести семьи, покончил с собой.

Это может показаться неожиданным, но письмо с угрозами порой можно получить и от члена своей семьи: так, в одном случае недовольную женщину привели в ярость успехи ее младшего брата в отельном бизнесе, и она изливала яд в потоке писем в адрес местной торговой палаты, в которых не только очерняла его старания, но и оскорбляла его жену, обвиняла его в нацизме и утверждала, что в отеле часто устраивали уик-энды, посвященные превосходству белой расы.

Однако читателю необходимо кое-что знать на случай, если он станет жертвой гневных писем в свой адрес или писем, очерняющих его друга, родственника или коллегу: во всех таких письмах, с которыми я сталкивался, обвинения оказывались клеветой, чистым вымыслом. Но вымыслом, способным ломать жизни, чему я слишком часто оказывался свидетелем. Один знакомый мне бизнесмен получил несколько таких писем, и они его чуть не уничтожили, хотя и он сам, и все его окружение знали, что обвинения в этих письмах совершенно ложны. Лишь крепкая поддержка семьи помогла ему в конце концов оправиться. Виновник этого ужасного преступления (а для того чтобы понять, насколько серьезны такие преступления, достаточно лишь увидеть их влияние на жизни людей) так и не был найден.

Не следует также предполагать, поддаваясь влиянию мрачных фильмов 1940-х и 50-х, будто гневные письма пишут исключительно женщины. Это вовсе не так – злоба и мстительность не имеют пола, возраста и социального положения. Я видел письма с угрозами от подростков, пожилых аристократов и ремесленников среднего возраста, от очень успешных предпринимателей, врачей и респектабельных дедушек. С появлением интернета наступил новый расцвет жанра: любому под силу завести бесплатный электронный адрес и опубликовать под псевдонимом сколь угодно гнусную клевету о ком угодно на публичных форумах или отправлять ее лично по электронной почте. Однако несмотря на все технические достижения, Королевская почта и прочие почтовые службы по всему миру по-прежнему ежедневно доставляют тысячи традиционных, написанных на бумаге посланий, призванных разрушить счастливую жизнь, очернить достойную репутацию и посеять семена ненависти в душах когда-то преданных друг другу пар и семей. Не всегда мотивом является ненависть: зачастую дело в сочетании скуки и неспособности предвидеть неизбежный причиняемый вред.

К счастью, судебная лингвистика занимается не только письмами, содержащими угрозы. Каждый день приходится разбирать что-нибудь небывалое: отец хочет узнать, действительно ли полученное им от дочери письмо написано ею; мать обеспокоена тем, что письменная речь ее дочери подвергается влиянию «бандитского жаргона»; страховая компания пытается выявить голос мошенника среди нескольких кандидатов; полицейский детектив хочет истолковать зашифрованное письмо заключенного к соучастнику; заключенный утверждает, что он невиновен; адвокат работает над апелляцией для своего клиента; сотруднику кажется, что его начальство пытается его подставить, утверждая, что он написал анонимку – этот список кажется бесконечным.

За те пятнадцать лет, что я занимаюсь этой работой, я проанализировал буквально тысячи текстов сотен разных авторов, имеющих отношение ко множеству разнообразных преступлений. За это время судебная лингвистика выросла из маргинальной дисциплины, которой страстно увлекались единицы, в международно признанную практику, способную принести настоящую пользу слугам закона и юристам.

В этой книге я изложу подробности некоторых из многочисленных случаев, над которыми мне выпала честь работать. Везде, где возможно, я избегал упоминаний имен жертв, мест их проживания и их прошлых и нынешних занятий. Из-за этого в том или ином деле я порой не мог указать и на личность преступника. К сожалению, некоторые случаи широко известны публике, обезличить их нельзя, и следящий за ежедневными новостями читатель с легкостью их распознает. Некоторые случаи еще слишком недавние для того, чтобы писать о них, но я надеюсь, что смогу описать их позже, когда воспоминания о конкретных преступлениях и событиях уже несколько сотрутся из памяти общественности.

Я надеюсь, что эта книга, в которой рассказаны истории многих жизней, в основном обычных людей, зачастую не по своей воле столкнувшихся с незаурядными обстоятельствами, покажет вам силу лингвистического анализа в раскрытии преступлений. Рассказывая вам об этих жизнях, я пытался сделать повествование простым и приземленным. Моя главная цель заключалась не в том, чтобы рассказать хорошую «байку», а в том, чтобы проиллюстрировать

сложное и увлекательное устройство языка и то, каким мощным ресурсом он может быть, вступая на территорию закона. Если эти истории окажутся достойными прочтения, то я надеюсь, что это ни в коей мере не умалит важности и трагичности описанных в них событий. Я всегда осознаю тот факт, что моя работа в первую очередь касается людей, а не только языка, и за годы работы я уверился в том, что это не только привилегия, но и ответственность.

Судебная лингвистика зародилась как инструмент, позволяющий исправлять ошибки правосудия. Сегодня она играет активную повседневную роль в наших судах. Систему общего права, развившуюся в Англии, Уэльсе, Шотландии и Ирландии в последнюю тысячу лет, следует ценить всем живущим на этих островах, несмотря на совершенные ею за эти годы несомненные ошибки. Именно поэтому так важна криминалистика. Во времена, когда разрушение гражданских прав и свобод снова стало темой, обоснованно вызывающей бурление страстей, криминалистика оказывается одним из охранителей справедливости и свободы. Зародившись сорок лет назад, судебная лингвистика ныне стала важной и, думаю, неременной составляющей этого процесса.

Часть 1

Глава 1 Убийство с бочкой

Джули Тёрнер, жительница Йоркшира, пропала летним вечером 2005 года. Ей было всего сорок, она была привлекательной женщиной, матерью двоих детей, и жила в Шеффилде. Во вторник седьмого июня около шести часов вечера она вышла из дома для того, чтобы отправиться по магазинам с Говардом Симмерсоном – мужчиной, любовницей которого была уже четыре года. Ее друг Даррен знал, что она будет с Симмерсоном. Джули не скрывала этих отношений, и соседи часто видели поблизости его мерседес, когда он увозил и привозил ее. Они даже, бывало, вместе забирали ее детей из школы.

Симмерсон жил в Крессуэлле, графство Дербишир, что примерно в тридцати километрах к югу от Шеффилда. В одиннадцать часов того же вечера Джули все еще не вернулась, и Дарреном овладело растущее беспокойство. Он решил съездить к дому Симмерсона. Мерседес был припаркован у дома, но в доме было темно, и, судя по всему, Симмерсона дома не было. Растерянный Даррен поехал домой. Наконец, четыре часа спустя, в 3:22 утра среды, он сообщил о пропаже Джули. Звонки родственникам и в местные больницы результата не принесли – никаких следов Джули.

На следующий день Даррен получил следующее SMS-сообщение:

Остаюсь у джилл, вернусь позже нужно разобраться в своей голове

Даррен не понял этого сообщения, так как не знал никого по имени Джилл, Джули никогда не писала ему SMS, и ему был неизвестен номер, с которого пришло сообщение. Более того, он знал, что Джули всегда печется о своих детях и никогда никуда не поедет, не сказав им, где она собирается задержаться.

Позже, вечером того же дня, он и несколько членов его семьи снова отправились в Крессуэлл. В доме Симмерсона горел свет. Они побеседовали, Симмерсон был несколько пренебрежителен, и Даррен покинул Крессуэлл, не узнав ничего нового о местонахождении Джули. На следующий день он получил еще одно SMS:

Скажи детям, чтобы не волновались. разбираюсь со своей жизнью. будь на связи, нужно получить кое-какие вещи.

На следующий день, примерно в два часа пополудни, офицеры полиции посетили Симмерсона на работе. Его не было в офисе, и один из сотрудников связался с ним по мобильному телефону. Офицер поговорил с Симмерсоном, и тот пообещал быть в офисе примерно через полчаса.

После долгого ожидания ему снова позвонили и спросили, когда он наконец прибудет; Симмерсон объяснил, что задерживается из-за дорожных работ. Он приехал в 15:30 на форде Ranger.

Полицейским он показался очень предупредительным. Он не скрывал, что хочет, чтобы Джули бросила Даррена и переехала к нему. Офицеры потребовали у него мобильный телефон. У него их оказалось два – один исключительно для связи с Джули, а другой для всех остальных дел.

На одном из телефонов было сообщение, по-видимому, от Джули, полученное предыдущим вечером:

Козел.я осталась у друзей.угадай у кого. почему я по-твоему так спешила. не пытайся меня искать.

От этих сообщений было мало пользы. В делах, где фигурируют рукописные и машинописные тексты, вы обычно располагаете письмами числом до дюжины, каждое длиной в несколько сотен слов. Работать даже с такими образцами бывает непросто, и часто можно слышать жалобы лингвистов на «объем образца» как на фактор, препятствующий идентификации. Но по сравнению с этим делом такой объем показался бы роскошью.

Тем не менее, видны несколько возможных сходств. Примечательной чертой этих сообщений является использование точки вместо запятой: «Козел.я осталась у друзей». Здесь после слова «козел» следует ожидать скорее запятой, чем точку.

Тем временем полиция обнаружила дома у Симмерсона написанное им пятистраничное письмо. Адресат указан не был, но в нем упоминалось, что Симмерсон хочет купить пистолет у некоего Майка. Судя по письму, Симмерсон намеревался убить Джули и себя.

В письме несколько раз вместо запятой была поставлена точка, совсем как в вышеприведенных текстах:

Что ж. прошла неделя с моего первого бедственного письма

Боже, ну и клубок. но ей это с рук не сойдет

Но эта черта сама по себе почти бесполезна, так как нет способа определить, насколько часто люди ставят точку вместо запятой. Могу только сказать, что мне *кажется*, что редко, но я не знаю, *насколько* редко.

В SMS-сообщениях в телефоне больше почти ничего не было. Однако меня заинтересовало слово «разбираться» [sort – букв. «сортировать»], встречающееся в двух приведенных выше SMS-сообщениях:

Остановилась у джилл, вернусь позже нужно разобраться в своей голове
Скажи детям не волноваться. разбираюсь со своей жизнью. будь на связи,
нужно получить кое-какие вещи.

Я попросил у полиции копию записей допроса и внимательно слушал их на протяжении нескольких часов. Это почти ничего не дало. Когда я уже собрался было выключить запись, я услышал, как один из офицеров задал вопрос о связи между Симмерсоном и Джули и о том, почему они не живут вместе, несмотря на то что им обоим, судя по всему, этого хочется. Симмерсон ответил:

Она принимала сильные лекарства и сказала, что когда **разберется** в своей голове и **разберется** со своей жизнью, тогда это случится.

Я был ошеломлен. Мне пришлось прослушать этот отрывок несколько раз, чтобы убедиться в том, что я расслышал правильно: «разберется в своей голове... разберется со своей жизнью». Эти словосочетания на самом деле весьма необычны, и, вероятно, одна из причин этой необычности в том, что немногие готовы признать свою жизнь настолько плохой или сложной, что им в ней необходимо «разобраться». Конечно, «разобрать вещи» и «разобраться во всем» – не такая редкость, но «разобраться со своей *жизнью*» и «разобраться в своей *голове*» встречаются гораздо реже. Тогда я нашел лишь один пример «я разбираюсь со своей жизнью» в корпусе текстов объемом сто миллионов слов. Также нашелся один пример «он разобрался со своей жизнью» и ни одного – «я разобрался со своей жизнью» и «он/она разбирается со своей жизнью». Примеров «разобраться в своей голове» не было ни одного. Google дал 23

000 результатов на запрос «я разбираюсь со своей жизнью» и 600 – на «я разбираюсь в своей голове», что указывает на крайне малую распространенность последнего выражения.

Еще реже оба словосочетания («разобраться со своей жизнью» и «разобраться в своей голове») встречаются в одном и том же документе. Семнадцать результатов в Google – такое сочетание почти уникально. Примечательно также совпадение последовательности словосочетаний: в SMS-сообщениях сначала упоминается «голова», а потом «жизнь». Та же последовательность и во время допроса: «разберется в своей голове... разберется со своей жизнью». Итак, в допросе и в сообщениях совпадают не только два элемента, но и их последовательность.

Конечно, я понимал, что мы имеем дело с различиями между письменной¹ и устной речью и что сообщений было два, а не одно, но все равно этого было многовато для простого совпадения. Я доложил детективам, ведущим расследование, что, на мой взгляд, высока вероятность того, что автором SMS-сообщений является мистер Симмерсон. Из этого они заключили, что шансы на возвращение Джули крайне незначительны. Поиски пропавшей вскоре превратились в расследование убийства.

Были усилены поиски Джули или ее тела. Офицеры провели сотни часов, прочесывая местность между Кросуэллом и Шеффилдом, а целая команда просматривала записи со всех окрестных камер видеонаблюдения. Полиция также связалась со многими друзьями и клиентами Симмерсона. Через несколько дней после исчезновения Джули на записях неоднократно появлялся форд Ranger с бочкой для нефтепродуктов в прицепе. В ночь исчезновения Джули Симмерсон спросил одного из своих клиентов, не может ли тот зарыть на своем участке нефтяную бочку – по его словам, в ней находились несколько единиц оружия и ему не хотелось, чтобы о них узнала полиция. Клиент отказался. Параллельно роману с Джули Симмерсон начал отношения с еще одной женщиной, двадцатилетней дочерью своего клиента. Пока бочка еще находилась в кузове его форда, он соблазнил девушку в амбаре ее отца. В конце концов бочку отыскали на свалке. В ней находилось тело Джули Тёрнер. Она была убита выстрелом в голову.

Поставленный перед фактом обнаружения тела Джули в бочке, до этого находившейся в кузове его форда, Симмерсон стал утверждать, что Джули нашла пистолет у него в бардачке и случайно застрелилась. Однако он, видимо, забыл о письме, написанном им всего за несколько недель до ее смерти, и, казалось, был несколько ошарашен указанием на упомянутые в нем пистолет и стрельбу:

Боюсь, Джули не беспокоится о деньгах, а только о том, как их потратить. Я очень ее люблю, но вижу, что приближается последний выстрел, после которого мы наконец-то будем вместе. Я пишу это в здравом уме и только дожидаясь, когда придет необходимое оружие.

Майк все еще добывает пистолет (?), и я не уверен, какой выбрать? надеюсь, любой из них сделает дело быстро и легко.

Итак, запрос Симмерсона на приобретение пистолета у «Майка», как и его отчаяние по поводу своего финансового положения и тот факт, что он винит в нем Джули, были известны детективам еще до того, как они обнаружили бочку. По этой причине офицеры не поверили в то, что Джули застрелилась сама. Не поверили Симмерсону также ни семья и друзья Джули, ни присяжные. 8 ноября 2005 года, менее полугода спустя после ее смерти, он был приговорен к пожизненному заключению уголовным судом присяжных Шеффилда и судьей Питчерсом, рекомендовавшим срок не менее 25 лет. Во время оглашения приговора Симмерсон не выказал

¹ Язык телефонного сообщения более точно классифицируется как гибридный, обладающий свойствами как письменной, так и устной речи. – Прим. автора.

ни малейшего раскаяния по поводу смерти Джули и никаких эмоций по поводу полученного приговора. Мобильный телефон, с которого были отправлены сообщения, так и не был найден.

Глава 2

Убийство с велосипедом

Примерно в десять минут пополуночи в пятницу 5 мая 2007 года Стивен Грин покинул место работы в Данстабле, Бедфордшир, и уехал на велосипеде. Стивен был пятидесятилетним холостяком, бывшим военным, и пользовался всеобщим уважением. Он направился домой и доехал до подземного перехода у моста Льюси близ трассы М1. Тот, кто бывал в тех местах, знает, что этот переход соединяет Бьюгли-Роуд и Рэйвенхилл-Вэй в Лутоне. Здесь мистер Грин и подвергся нападению молодежной банды, был ограблен и брошен умирать от страшного удара по голове.

Поначалу зацепок не было, но во время осмотра велосипеда на одной из его шин обнаружили отпечаток пальца, он-то и привел к некоему молодому человеку, известному своими связями с несколькими другими людьми, с которыми он регулярно выпивал и принимал наркотики. Их мобильные телефоны были конфискованы, и обнаружилось, что примерно во время ограбления с одного из этих телефонов велась SMS-переписка. Триангуляция сигналов позволила установить, что сообщения с мобильного телефона, принадлежащего некоему Дэррилу Беннетту, были отправлены с места преступления примерно тогда, когда, предположительно, и было совершено нападение. Однако ко времени конфискации телефона Беннетта все сообщения с него были удалены – они сохранились только на телефоне его девушки Триш (имя изменено) в папке входящих.

По какой-то причине на телефоне Триш не записывалось время получения входящих сообщений. Таким образом, хотя время отправки SMS-сообщений было известно, не было никакого способа узнать время получения входящих сообщений. По той же причине было невозможно автоматически определить последовательность входящих сообщений. Кроме того, было похоже на то, что Триш удалила некоторые сообщения, возможно, непреднамеренно. Задача судебной лингвистической экспертизы состояла в том, чтобы попытаться восстановить последовательность сообщений, иными словами – попытаться воссоздать переписку из фрагментов. Дело осложнялось тем, что сообщения были написаны на телефонном диалекте сугубо местного молодежного жаргона, или скорее даже на групповом идиолекте – своего рода слэнге, сформированном ключевой группой молодых людей, подозреваемых в нападении, их друзьями, девушками и даже старшими членами их семей.

Сегодня лингвисты, обращаясь к языку, на котором пишутся текстовые телефонные сообщения, нередко говорят об особом «SMS-языке». Как бы то ни было, существует немало SMS-языков. Например, распространено мнение, что только молодежь пользуется сокращениями в переписке, – «2u» вместо «to you» [«тебе»], «4got» вместо «forgot» [«забыл»] и так далее, – но в том, что это иллюзия, я убедился во время одного из первых моих исследований, связанных с SMS. Это было дело об убийстве Питера Солхейма в Корнуолле в 2004 году. Сообщения отправила некая Маргарет Джеймс его партнеру, при этом делался вид, что они исходят от Солхейма. В них говорилось, что он якобы собирается отправиться на яхте во Францию. В то же самое время, как выяснили присяжные Суда Короны Трюро в июле 2006 года, она замышляла его убийство. Сообщения Маргарет Джеймс отличались чрезмерным использованием сокращений, что ярко контрастировало с сообщениями самого мистера Солхейма. Я упоминаю об этом лишь для того, чтобы подчеркнуть ошибочность того предположения, что сокращениями в SMS-сообщениях пользуется только молодежь.

Но вернемся к нынешнему делу. Главными участниками SMS-переписки были Дэррил и Триш, хотя были сообщения и от других людей. В общей сложности предстояло перевести и упорядочить более ста пятидесяти сообщений. Моя исходная гипотеза, которую предстояло тщательно проверить, состояла в том, что в своей переписке Триш и Дэррил Беннетт

упоминали нападение и ограбление. После перевода всех текстов мне предстояло применить свои лингвистические познания о структуре диалогов, чтобы выяснить, можно ли составить из отдельных фрагментов единое целое. В некоторых отношениях SMS-переписка очень похожа на устный диалог. Позже я получил от оператора связи биллинговый журнал, который помог сложить последние кусочки головоломки. Биллинговые журналы не содержат текстов самих сообщений, но в них отмечаются время и даты, и иногда они позволяют оценить длину сообщения.

Так как SMS были пересыпаны сокращениями, офицеры, работающие над делом, смогли понять лишь часть написанного. Несколько сообщений были поначалу вовсе нечитаемыми и потребовали исследования молодежного жаргона в интернете и по иным источникам. Из 152 разобранных текстов 60 были от Триш к Беннетту, а 41 – от Беннетта к Триш. Кроме того, вскоре после инцидента Триш отправляла сообщения своей тетке и одному из подозреваемых – кузену Шейну Лидди. Триш также посылала сообщения своей подруге Сесилии (имя изменено). Еще несколько сообщений она отправила человеку, которого я буду называть «Макс».

Используемый в данном случае SMS-язык обладал некоторыми чертами языка интернет-чатов, беседы в которых порой так стремительны, что это создает необходимость в лаконичной, сокращенной форме языка.

Неприятной особенностью рассматриваемых текстов было количество и разнообразие уничижительных терминов, используемых собеседниками, таких как «beuch» (искаженное «bitch» – «сука»), «niger» (искаженное «nigger» – «нигер») и «af» (от «African» – «африканец»), «white» («белый»), «slut» («шлюха») и так далее. Странно то, что употребление этих эпитетов, по-видимому, не мотивировалось расизмом или сексизмом. Как это ни удивительно, они выражали чуть ли не нежность. Я прошу прощения у тех читателей, кого данные термины оскорбляют, я не желаю никого задеть, а лишь сообщаю обнаруженные мною факты.

Следует подчеркнуть, что никакой перевод или толкование не бывает полностью точным. Это касается как переводов с одного языка на другой, так и переводов с SMS-языка на нормальный английский. Одна из ключевых проблем перевода возникает тогда, когда контекст непонятен или отсутствует. Мы редко осознаем, насколько над нами довлеют обстоятельства конкретной ситуации, когда мы пытаемся понять, что другие люди сообщают нам или о чем они говорят друг с другом. Именно поэтому фрагменты случайно услышанных диалогов бывает зачастую трудно истолковать, не зная их участников. На самом деле, неверно понятое замечание, сделанное с самыми невинными намерениями, может шокировать нас. Обычно так происходит, когда кто-то нам не знакомый слышит сказанное нами, не зная обстоятельств разговора. Подобные случаи часто приводят ко всякого рода недоразумениям между людьми. В представленном деле тому было немало примеров. Вот, например, одно из сообщений, полученных от Дэррила:

Оригинал:

Darryl Bennett: U joka dat film froze 10 minz ago.

Нормальный английский:

Darryl Bennett: You joker (or: you're joking). That film froze 10 minutes ago.

Буквально:

Дэррил Беннетт: Ты шутишь. Этот фильм замерз 10 минут назад.

Оценивая, насколько то или иное сообщение подходит к той или иной точке диалога, я рассматривал еще ряд свойств помимо упомянутых выше, например, содержит ли оно прямой ответ на вопрос: «да», «было», «это не он» и так далее. В этом отношении полезно то, что лингвисты называют «конечными элементами» – я имею в виду подлежащее в предложении

(например, «он», «я», «она» и так далее) плюс следующий за ним глагол («был», «идет» и так далее). Однако нужно помнить о том, что SMS-переписка не обязательно является полным диалогом участников. Люди могут звонить друг другу между отправкой SMS-сообщений, говорить при личной встрече. В данном деле было очевидно, что порой подозреваемые переписывались, даже находясь в одном доме. Вот одно из первых сообщений переписки (в переводе):

Ник, Бесси видела кровь у тебя на руках. Дэррил, Бесси сказала, что видела порез у тебя на голове. Ты говорил, что больше не будешь заниматься грабежом, и ты обещал, что не будешь делать ничего такого при Шейне. Ты солгал триш х.

Это сообщение было отправлено примерно через полчаса после ограбления. Дэррил, по-видимому, ответил просто: «Шта? Нет, Триш». Пользуясь знаниями о согласованности речи можно сказать, что вероятным следующим сообщением Дэррилу было вот это:

Зачем ты врешь. Шейн мне сказал. Ты идиот. Ты обещал так не делать. Теперь я знаю, кому я могу доверять, а кому нет. Ты в списке ненадежных х.

Итак, в этой последовательности Триш, сперва рассказав Нику о том, что Бесси видела кровь на его руках, затем обвиняет Дэррила в нарушении данного им обещания и участии в ограблении, причем в присутствии Шейна. Ранее Триш писала Нику и просила его поторопить Шейна. По всей видимости, теперь у Триш есть причины полагать, что Шейн был с Дэррилом, а не с Ником и что Дэррил Беннетт участвовал в ограблении. Затем она продолжает: «...что ты собирался сказать? Ты сказал “Сперва о главном...”», а потом замолчал. Что это было?» Тут она требует прояснить нечто, что Беннетт собирался сказать («Сперва о главном»). Позже из другого сообщения мы узнаем, что незадолго до отправки этого сообщения Триш была у туннеля Льюси, где они с Беннеттом, согласно этому сообщению, переговорили. Таким образом, мы можем считать, что Триш побывала на месте преступления вскоре после его совершения.

Этот факт, а также структура приведенного сообщения указывают на то, что Триш, вероятно, не была свидетелем нападения – будь иначе, она, вероятно, сказала бы не о том, что Бесси видела порез на голове Ника, а о том, что видела нападение. Важно, что Триш использует в сообщении определенный артикль («*saw the blood on your hands... the cut on your head*» – «видела [эту] кровь на твоих руках... [этот] порез на твоей голове»). Это означает, что кровь и порез являются в этом обсуждении заданными ранее элементами. Иными словами, возможно, что Триш и сама их видела, но ссылается на Бесси, вероятно, с целью придать им больший вес. Или, может быть, эти детали уже упоминались, когда пара беседовала у моста.

Итак, пока что у нас есть обвинения Триш, отрицание Дэррила и дальнейшее обвинение со стороны Триш. Отсюда логично предположить неизбежность дальнейших отрицаний Дэррилом. И именно так и произошло на самом деле, ведь у нас есть такое сообщение: «Шейн несет хрень, верь мне», и я полагаю, что оно является следующим звеном. Затем следует сообщение, отправленное Триш своему другу Максусу. Вдобавок к прочим затронутым темам сообщение заканчивается следующей отсылкой к предшествующей беседе с Дэррилом: «Дэррил врёт мне в смс. Он меня бесит. Он не сдержал слова». Это «слово», по-видимому, связано с ее предшествующими обвинениями Дэррила в том, что он нарушил обещание своим участием в ограблении, взяв с собой более юного Шейна. Это сообщение было отправлено с телефона Триш Максусу в 1:13 ночи. Оно важно по двум причинам: во-первых, оно подтверждает, по-видимому, воссозданную мной переписку между Беннеттом и Триш, приведенную выше, и, во-вторых, позволяет с точностью установить дату и время, когда она имела место.

Есть еще одна беседа между Триш и Беннеттом, в которой она спрашивает его о том, что он собирался сказать у туннеля Льюси:

Что ты хотел сказать вчера вечером у моста Льюи? Ты остановил меня и сказал Шейну и другому идти дальше и сказал «ладно, сперва о главном» и замолчал. Ты можешь вспомнить, что ты хотел сказать? Х

Я полагаю, что это сообщение было отправлено на следующий день после ее встречи с Дэррилом у туннеля, причем у него на руках была кровь, так как в нем прямо говорится – «вчера вечером», а также упоминается мост Льюи и присутствие Шейна.

Есть сообщение от Дэррила: «Черт знает скорее всего собирался нести хрень». По-видимому, оно является ответом на что-то, и я предполагаю, что это ответ на предыдущее сообщение, так как оно содержит два элемента из него, а именно упоминается, что он *собирался* что-то сделать («скорее всего собирался»), а именно – «нести хрень» (то есть говорить о чем-то несущественном). Это сообщение также, по-видимому, связано с событиями 5 мая 2007 года, поскольку в нем подразумевается, что получатель (мы знаем, что это Дэррил Беннетт) совершил нечто, чего обещал не делать, а именно – нападать на людей и грабить их. Это похоже на другие утверждения Триш о том, что Беннетт не сдержал данное ей обещание: «ты говорил, что больше не будешь заниматься грабежом». Также упоминается, что Дэррила скоро «закроют», то есть посадят в тюрьму, и, по-видимому, это связано с предшествующим оскорблением.

В ходе разбора я также рассмотрел альтернативные объяснения имеющихся сообщений и поэкспериментировал с другими их последовательностями. Мне не удалось придумать никакого объяснения, указывающего на то, что Триш говорит не о настоящем ограблении и нападении. В поддержку основной гипотезы говорят ее очевидное разочарование из-за нарушенного Дэррилом обещания, ее упоминание о том, что видела Бесси, ее слова о своем разочаровании в сообщении Максусу и более позднее повторное обвинение Дэррила в том, что он не сдержал слова.

Конечно, невозможно быть уверенным в том, что переписка воссоздана абсолютно верно. Это не точная наука. Тем не менее, мне не удалось найти правдоподобной альтернативной последовательности сообщений между Дэррилом, Триш и остальными участниками. Я считаю, что у подозреваемых было достаточно возможностей опровергнуть мой анализ и предложить собственные объяснения. Единственное, что я пытался получить от офицеров, – это подтверждения авторства сообщений. Хотя сообщения были на телефонах Дэррила и Триш, тем не менее, было важно установить, что они никому не позволяли отправлять сообщения со своих телефонов в означенный период времени. И хотя подобного подтверждения я не получил, никто из подозреваемых не отрицал того, что эти сообщения написаны ими собственноручно.

После анализа и реконструкции SMS-переписки она была отправлена в суд, и трое молодых людей, поначалу отрицавших свою причастность к преступлению, решились на чистосердечное признание. Обвиненные первоначально в непредумышленном убийстве, все четверо были признаны присяжными виновными в убийстве преднамеренном. В мае 2008 года они были приговорены Судом Короны Лутона к пожизненному заключению.

Глава 3

Тюремная контрабанда героина

Однажды, несколько лет назад, в марте, мне позвонила знакомый детектив из Мидлендса². Она попросила меня изучить несколько аудиозаписей, имеющих отношение к попытке контрабандной доставки героина в тюрьму. От меня требовалось сравнить голос неизвестной женщины с голосом некоей Шейлы де Вере и голос неизвестного мужчины с голосом некоего Дуэйна Хиллингдона, который в те времена практически не выходил на свободу. Детектив также сказала мне, что на одной из записей есть «интересный» диалог и что она хочет, чтобы я его прокомментировал.

Я с интересом ждал прибытия документов. Когда их доставили, дело оказалось даже более интригующим, чем я ожидал. В тюрьму пришел конверт, адресованный Дуэйну Хиллингдону. И хотя на нем был правильный код, соответствующий определенного рода привилегированной корреспонденции, которую заключенные порой имеют право получать, его объемистость вызвала у администрации тюрьмы подозрения и конверт вскрыли. В нем обнаружили большое количество высококачественного героина, упакованного в пластиковые пакеты. В ходе расследования инцидента были прослушаны телефонные звонки, сделанные Хиллингдоном. Несколько раз он звонил женщине и, по-видимому, говорил об отправке некоего конверта в тюрьму. Утверждалось, что собеседницей Хиллингдона была Шейла де Вере. Детектив утверждала, что та помогала ему в осуществлении этой контрабанды.

Требовалось выяснить две вещи. Во-первых, нужно было понять, принадлежит ли женский голос Шейле де Вере и является ли мужской голос голосом Дуэйна Хиллингдона, сравнив их с голосами на записях полицейских допросов. Во-вторых, мне следовало определить, действительно ли мужчина и женщина, предположительно являющиеся Дуэйном и Шейлой, говорили об отправке конверта с героином в тюрьму или же речь шла о чем-то ином и вполне безобидном.

Я прослушал записи телефонных разговоров и полицейских допросов Шейлы де Вере, и голоса мне показались весьма непохожими друг на друга, по крайней мере по первому впечатлению. Женщина на допросе говорила с сильным придыханием – как будто она только что с пробежки и при этом пытается очаровать слушателя. Хотя иногда голос становился несколько скрипучим, как будто у нее в горле лягушка. Голос женщины на записях телефонных разговоров звучал совсем иначе, непринужденно и дружелюбно, и говорила она куда громче женщины на допросе.

Мужчина сказал женщине, что ей следует привезти «стафф» домой и потолочь его «на кухонном столе». Но перед этим ей нужно связаться с торговцем наркотиком и убедить его иметь с ней дело.

Однако внимательное прослушивание позволило выявить некоторые сходства. Время от времени в голосе на записи телефонного разговора тоже появлялось легкое придыхание, и порой он тоже становился скрипучим. Обоим голосам была свойственна своеобразная манера ударения. В фонетике есть термин «интонационная группа» – это группа слов в предложении, звучащих как единый «пакет» информации. Кто-то называют их информационными единицами. В любой такой группе есть несколько ударных слогов. Постановка ударения может осуществляться по-разному: слог удлиняется, повышается или понижается его тон, либо изменяются и длина, и высота тона. Шейла удлиняла последний слог интонационной группы, повышая его тон. Вероятно, это не является чем-то исключительным, но она также произносила этот

² Регион в центральной Англии вокруг города Бирмингем. – Прим. ред.

слог скрипучим голосом. Это было свойственно голосам на обеих записях. Для того чтобы заметить это, мне пришлось слушать записи около четырех часов.

Я обнаружил еще кое-что. В длинных словах, например в слове «relationship» («отношения»), она удлиняла ударный слог, превращая его в три слога, вот так: «rela-ay-iy-tionship» («отноше-е-ения»). Произнесение трех слогов вместо одного называется трифтонгизацией. Шейла делала так постоянно и в ходе допроса, и в телефонном разговоре. Например, в разговоре с детективами она оспаривает свою близость с Дуэйном: «Ну, это не настоящие отноше-е-ения», – возражает она. Но конечно, это характерная черта диалекта – подобным образом говорят многие люди в некоторых местах Мидлендса.

Наконец, я стал прислушиваться к ее голосу в попытке определить преобладающую высоту его тона – так называемую основную частоту. Основная частота – довольно своеобразное свойство, и вот что оно из себя представляет. Когда мы слышим голос, произносящий отдельный звук (так называемую фонему), например «а-а-а», нам кажется, что мы слышим только один звук, но это не совсем так. Мы слышим основной звук и его обертоны, призвуки. Пропустив голос через спектрограф, мы увидим обертоны, но не увидим основного, собственного тона. Его приходится высчитывать либо использовать какую-нибудь программу, позволяющую его определить. Голосу каждого человека свойственна определенная основная частота. Это связано с размерами и формой голосового тракта – примерно определяемого как полость рта, ведущая вглубь, к голосовым связкам, а также с формой губ и носовой полости. У людей с голосовым трактом разной формы обычно разнится основная частота голоса. Конечно, бывают и совпадения, да и основная частота голоса конкретного человека также несколько варьируется. Но даже несмотря на это, такое свойство человеческого голоса достаточно показательно. Основная частота голоса Шейлы и голоса на записи телефонного разговора были очень схожи. На основании всего этого я заключил, что голоса принадлежат одному и тому же человеку. Я пользуюсь шкалой оценки при вынесении подобных суждений, что позволяет указать на степень достоверности наблюдений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.